

залась направленной против целой эпохи развития научной дисциплины. Созданный идеологами новой советской археологии миф лишил несколько поколений отечественных исследователей научного прошлого.

Жебелев С. А. Введение в археологию : в 2-х ч. Пг., 1923. Ч. 1. История археологического знания.

Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности : в 2-х т. СПб., 2014. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время; Т. 2. Археология советской эпохи.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992. 464 с.

Мельникова О. М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.) : биобиблиогр. словарь-справочник. Ижевск, 2007.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России: Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.

Пескарева К. М. К истории создания Российской академии истории материальной культуры // Крат. сообщения Ин-та археологии. 1980. Вып. 163. С. 26–31.

Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1930. Т. 7. Вып. 3–4. 94 с.

Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004.

Худяков М. Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.

УДК 94(47).084.3:004

Г. А. Быковская

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ в 1920-х гг.

В статье рассматривается процесс формирования системы научно-технической политики государства, которая зародилась после революционных событий в России 1917 г. Автор отмечает, что новые принципы управления научно-технической сферой начинают корректироваться с применением новой экономической политики в условиях кардинальной социально-экономической

и политической модернизации страны. При этом среди основных характеристик указанной политики называются государственное регулирование, соединение деятельности государственных и научно-технических органов на направлении оптимизации научно-технической сферы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революционная модернизация, научно-техническая политика, государственное регулирование, Народный комиссариат просвещения.

1921–1922 гг. были чрезвычайно тяжелыми для процесса модернизации страны. Это был период, когда НЭП возродил надежды на скорую гибель Советов, период ухудшения финансового положения: доля Наркомпроса в бюджете упала с 10,4 до 3,5 % (за 1920–1922 гг.) [Алексеев, с. 95], а как результат – сокращение штатов и перебои с выплатой зарплат. На это были причины. Война и блокада, экономическая разруха и голод – все это сократило почти в четыре раза государственный бюджет России. В 1920 г. смета Наркомпроса занимала более 10 % общегосударственного бюджета, чего никогда в России не бывало, но сам бюджет был слаб. Положение было трагическим [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 192. Л. 27–29.]. В новых экономических условиях резко сократилась доходная часть бюджета. Кроме того, промышленность и сельское хозяйство все еще находились в состоянии разрушения в результате мировой и Гражданской войн, уменьшились и возможности волевого, командного распределения государственных расходов. Властные структуры традиционно и быстро сократили бюджетные ассигнования на мероприятия по осуществлению научно-технической политики. Ими стали учреждения и организации Наркомпроса, Наркомздрава и социального обеспечения: от 394 учреждений, составляющих сеть Главнауки в 1921 г., осталось в 1924 г. только 210, в Академии наук осталось 611 штатных единиц [ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 467. Л. 14–14 об.].

Объясняя причины враждебности ученых к распоряжениям властей и их равнодушия к ЕНТП в этот период, нарком просвещения А. В. Луначарский писал: «Высшая школа, а вместе и вся русская промышленность не может существовать без профессуры, которая наиболее враждебно (среди интеллигентов) настроена к революции... Люди науки мало практичны при разрешении мелких житейских задач, с которыми сопряжено в настоящее время простое питание. Такое губительное понижение быта, (какое мы наблюдаем сейчас, в начале 1920 г.), вызывало в профессуре упадок сил и, вполне естественно, раздражение против нового уклада жизни <...> Профессор превращается в бесправного раба, из которого

предполагают выжимать науку, как доят корову – это оскорбительный абсурд; добиться толку этим путем мы никогда не сможем, и мы не смеем забывать, что количество сведущих людей в России ничтожно, и что дальнейшее уменьшение их приведет неизбежно к духовному порабощению (нашему) враждебным нам заграничным научным миром» [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 194. Л. 3].

Непопулярны были некоторые крайние меры экономико-политического характера в рамках ЕНТП, предпринятые правительством в целях ужесточения контроля над частным сектором. Так, известный книгоиздатель-просветитель И. Д. Сытин писал Л. Д. Троцкому 31 мая 1922 г.: «Я ничего не имел против национализации, (до) которой у меня было как-то: 17 книжных магазинов, 5 больших книжных складов, 2 больших типографии в Москве, одна в Петрограде и 165 000 пудов бумаги. В результате последнего распоряжения Госиздата я вообще теряю всякое значение как работник печатного дела, т.к. никто за границей не захочет иметь дело с человеком, у которого снова в 1922 г. национализируют имущество под предлогом нового толкования старого, уже отмененного декрета (все декреты о национализации отменены декретом от 15 ноября 1921 г.), ибо у него опять смогут и в следующем году конфисковать имущество на основе нового разъяснения – что всегда пугает иностранцев. Между тем я хочу работать, готов работать в помощь госиздату, но прошу о создании для этой работы приемлемых условий, которые в конце концов пойдут на пользу самой Советской власти» [ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 863. Л. 57].

За четыре года, прошедших после Октября 1917 г., состоялось около 60 конференций, совещаний и съездов, на которых обсуждались вопросы просвещения, науки и культуры [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 192. Л. 46]. Разногласия тем не менее оставались.

«С профессурой и Всероссийским учительским Союзом отношения с самого начала были <...> недружелюбные, а к началу двадцатых годов проблемы обостряются. Попытки наладить наши отношения с профессурой, созыв двух конференций в этом отношении не привели к благоприятным результатам, – писал Луначарский. – Все это показало, как наша научная аристократия перешла от умеренных уступок к полной неуступчивости в зависимости от большего или меньшего успеха белогвардейского оружия. Это и заставило (власть) в сфере высшей школы порвать совершенно с благоговейным отношением к автономии науки <...> в условиях, когда наука эта находится в руках враждебно настроенных

людей, когда университеты, даже и в настоящий момент на большую половину наполнены в лучшем случае равнодушной к народу, революции интеллигенцией и когда пролетариат обязан завоевать высшую школу для себя всю от кафедры до последнего места в лаборатории» [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 192. Л. 12]. Органом, на который возлагалось разрешение этих противоречий, был Наркомат просвещения.

Его структура, принятая в ноябре 1917 г., была достаточно проста. Во главе комиссариата стояла коллегия из наркома, его заместителя и членов. Исполнительным техническим органом являлось Управление делами со следующими подразделениями: Секретариат коллегии, общая канцелярия и отделы. Научный сектор НКП включал в себя отделы: высших учебных заведений, рабочих факультетов, социального обеспечения учащихся, научного и научных библиотек [Там же. Л. 14]. Таким образом, пред Наркомпросом стояли три огромные задачи: подготовить квалифицированного производителя, сломить невежество общее и политическое, «сохранить ребенка». Задач столь сложных и объемных не имел ни один наркомат [Там же. Л. 19].

Именно НКП начинает коррекцию задач и принципов вырабатываемой научно-технической политики. В 1920 г. Наркомпрос решено было реорганизовать с целью более точного разграничения теоретической и административной функции и «всемерного упорядочивания последней» [Там же. Л. 9–10]. Луначарский писал: «Реформа, как она нам рисуется <...> заключается в четком делении комиссариата на 3 основных главка: главное управление по социальному воспитанию, подготовке работников (вузов) и политического просвещения масс (Главполитпросвет). Эти три главка, управляя всеми просветительскими учреждениями, обслуживаются материально (финансы, снабжение, информация и т. д.) организационным центром, а идейно (разработка принципов, общего плана и ежегодного плана, выработка программ, идейно направленных инструкций, использование для этого научных сил страны и т.п.) от научно-художественного центра» [Там же. Л. 6–7]. В письме председателя ВЦИК М. И. Калинина Сталину от 23 апреля 1922 г. устанавливалось количество членов коллегии в каждом Наркомате [РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 9. Д. 14. Л. 1–2].

В начале 20-х гг. Луначарский в отчете Наркомпроса констатирует значительное повышение учебной и научной жизни в наших вузах. Так, в статье для справочника «Народное просвещение в РСФСР» в 1924 г. Луначарский сказал, что и школьная сеть в стране возросла почти на 12 тыс. школ в течение первых же трех лет Советской власти [Там же. Л. 26–28]. Но все же вызывал большое беспокойство вопрос о подготовке новых

научных работников. Ни количество аспирантов, ни вознаграждение их не удовлетворяло потребностям развития [Там же. Л. 53]. Иначе говоря, наблюдались сбои в действиях формировавшейся системы управления.

Суть ошибок главного управления Наркомпроса в том числе заключалась в укреплении левацкой линии Е. А. Преображенского в управлении научно-технической сферой. Забастовки профессорско-преподавательского состава в МВТУ и МГУ удалось остановить специальной комиссией во главе с А. Д. Цюрупой, созданной ЦК партии, а затем вполне мирно и решить конфликт [ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 871. Л. 22]. СНК соглашается с некоторыми вполне обоснованными требованиями научной интеллигенции. Так, 20 июня 1922 г. создан ОВНК в ответ на требование РАН, выдвинутое в обращении ее неперменного секретаря к наркому просвещения. При этом все семь пунктов проекта Академии наук учтены в декрете [Собрание..., ст. 493] и в большинстве случаев в академической редакции.

Во взаимоотношениях Наркомпроса и Академии наук накапливаются проблемы, растет взаимное недовольство. На наш взгляд, прав В. С. Соболев, считая, что причиной было то обстоятельство, что вопросы выживания и развития академической науки часто терялись в потоке проблем ведомства, на которое были возложены руководство и финансирование сети и школьных, и высших, и профессиональных учебных заведений, а также музеев, клубов, изб-читален, учреждения социальной защиты детства и пр. [Соболев, с. 128–129]. Руководители Наркомпроса попросту не в силах были уделять вопросам развития науки главное внимание и наибольшую поддержку, а руководство Академии наук полагало, что советские чиновники не понимают и недооценивают значения фундаментальных научных исследований, потому-то оно и стремилось выйти из-под контроля Наркомпроса. Отсюда идея создания особого Комитета по науке при Советском правительстве (ОВНК). Самая сложная роль в решении этой сложной административно-организационной проблемы принадлежала В. А. Стеклову, избранному в мае 1919 г. вице-президентом А. Н. Позднее он писал в своих мемуарах: «Много пришлось похлопотать по этому делу. Мне пришлось добиться свидания и поговорить откровенно со многими руководителями современной политики – А. Д. Цюрупой, А. И. Рыковым, Л. Б. Красиным, Л. Б. Каменевым, Н. А. Семашко» [Стеклов, с. 294]. 20 июня 1922 г. Совнарком принял постановление «Об учреждении Особого временного комитета науки». Его главные задачи были определены следующим образом: «Выяснение всех научных и материальных потребностей ученых учреждений и принятие всех необходимых мер к их удовлетворению» [Собрание..., ст. 493].

В начале 1922 г. был принят крайне важный для академических учреждений правительственный документ. Своим постановлением № 847 от 15 марта 1922 г. Совнарком предоставил Академии наук права беспощинного получения из-за границ книг, приборов, инструментов, то есть всего самого необходимого для развития научных исследований [ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 112. С. 1–170]. Эти налоговые льготы были признаком использовавшегося государственными структурами экономического регулирования, не типичного для советской системы управления.

В развитие указанного постановления летом того же года государственными органами Академии было дано разрешение на вывоз из-за границы коллекционного материала для обмена, рукописей трудов для печатания их в других странах, приборов и инструментов для ремонта и т. п. Отметим, что таможенные органы пропускали все это через границу только «при условии представления в каждом случае заверенного Наркомпромом списка подлежащих вывозу предметов» [Там же]. На наш взгляд, это способствовало предотвращению расхищения или разбазаривания культурного фонда государства. О деятельности Экспертной комиссии, организованной по инициативе А. М. Горького и по разрешению В. И. Ленина для отбора предметов большой художественной и материальной ценности, находящихся в квартирах эмигрантов и на специальных складах, для передачи их в «Эрмитаж» и другие музеи, о составе этой комиссии сообщалось позже в письме А. М. Горького к Н. К. Крупской в декабре 1935 г. [РГАСПИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–2]. В письмах М. Горького к Г. Зиновьеву были просьбы выдать пайки членам Экспертной комиссии по сбору художественных и материальных ценностей [Там же. Д. 15. Л. 4–6].

В числе значительных льгот, предоставленных советским правительством Академии наук, можно назвать и постановление Малого Совнаркома «Об освобождении от сборов почтовых отправок, посылаемых и получаемых академией наук» [ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 66. Л. 134]. Таким образом, с данного момента вся переписка Академии внутри страны велась бесплатно, что обеспечивало сохранение постоянных контактов с многочисленным активом на местах, с научными работниками, находившимися в отдаленных уголках страны. Переписка А. Д. Цюрупы за 1922–1925 г. с Бюро иностранной науки и техники и комиссии по заграничным закупкам о заказах и покупке за границей книг, фильтровальных бумажных полосок и т. п. для Госплана составляет объемный том [РГАСПИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–122].

Так, медленно, в ходе долгих дискуссий в период с 1917 по 1924 г., выработывались новые принципы руководства, соединявшие в себе госу-

дарственные, партийные, общественные возможности воздействия на развитие образования, науки и технических знаний. Ранее они не могли проявить себя, ранее их (эти методы) нельзя было опробовать на практике. В 20-е гг. эта возможность появилась. Одновременно предпринимается анализ эффективности управления системой просвещения, науки и техники.

Представитель ЦК в Наркомпросе Руднев составил письмо «К вопросу о методах и системе руководства народного образования», в котором основными недостатками этой системы на конец 1920-х гг. вывел:

- 1) большая группа проблем, не укладывающихся в «главковые рамки», остается без внимания НКП;
- 2) НКП работает на страшно узкой людской базе;
- 3) налицо разрыв между «этапами» руководства: ученик и педагог, педагоги и инспекторы, ОНО и НКП;
- 4) нет настоящего рабочего контроля;
- 5) настроение самотека завладело многими, отсюда опасность выхолащивания новых методов;
- 6) грозит острый кризис кадров, нет «фигур», обещающих что-либо в будущем;
- 7) только ленивый не руководит НКП, но невежества в вопросах народного образования у общественности сколько угодно, оттого и критика часто неудачная, попусту крикливая. Пора объявить войну голому зубокальству по адресу НКП [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 455. Л. 38–39]. Отсюда выводятся предложения, касающиеся всего Наркомата просвещения [Там же. Л. 40, 41, 43, 44] и всей системы управления культурой.

Изменения в научно-технической политике были вызваны и рядом других обстоятельств. В этот же период в изменившихся условиях экономической стабилизации углубился сложный процесс идейно-политической дифференциации интеллигенции и адаптации ее к новым принципам отношений с властью. Усилилось негативное отношение к антибольшевистским силам. Правда, осознание бесперспективности белого движения и признание силы большевиков еще не означало разрыва со старыми взглядами. Многие стремились честно выполнять свой профессиональный и национальный долг, заявляя о политическом нейтралитете. В целом шел процесс предложения российской интеллигенцией компромисса большевистскому руководству, предполагавшего согласие интеллигенции на сотрудничество с новой властью. «Обворованная до нищеты русская интеллигенция понемногу заполнила собою все

советские учреждения, и, в погоне за куском хлеба, втянулась в “совработу” во всех ее отраслях; снискав доверие советской власти, она заняла доминирующее, конечно, делового характера, положение» [Я.А., с. 261].

Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987.

ГАРФ. Ф. 130 (Совет народных комиссаров РСФСР. Совет министров. 1917–1991.); Ф. 2307 (Главнаука (Главное управление научных и музейных учреждений НКП. РСФСР) (1921–1933)); Ф. 2306 (Народный комиссариат просвещения РСФСР (1917–1945) Министерство просвещения (1946–1988). 1917.); Ф. 2307 (Главнаука (Главное управление научных и музейных учреждений НКП. РСФСР) (1921–1933)).

РГАСПИ. Ф. 75 (А. М. Горький (1897–1935)); Ф. 78 (М. И. Калинин (1875–1946)); Ф. 142 (А. В. Луначарский (1875–1933)); Ф. 158 (А. Д. Цурюпа (1894–1928)).

Соболев В. С. Деятельность Российской академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия в переломную эпоху развития России (1890–1930) : дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ). 1922. № 42.

Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991.

Я. А. Беседы с интеллигенцией России внутренней // Белый архив : сб. материалов по истории и литературы войны, революции, большевизма, белогвардейского движения и т. п. / под ред. Я. М. Лисовского. Кн. 2–3. Париж, 1928.

УДК 94(47).084:37.01+371.47.022

Н. С. Ильюшенко

КОНСТРУИРОВАНИЕ «СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА» СРЕДСТВАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье анализируется феномен педагогической технологии как средства конструирования особого типа социального субъекта – «советского человека». Педагогические технологии определяются как разновидность социально-гуманитарных технологий. Специфика педагогических технологий раскрывается посредством выделения и характеристики их структурных компонентов. Особое внимание уделяется педагогической технологии, разработанной А. С. Макаренко.

К л ю ч е в ы е с л о в а: педагогические технологии, социально-гуманитарные технологии, педагогика, советский человек.